

Но, конечно, стереотип может сыграть и отрицательную роль. Предположим, участвующие в эксперименте студенты остались недовольны своим пребыванием в Беларуси. Они делятся своими впечатлениями с другими людьми, формируя тем самым негативный образ о стране и, возможно, отталкивают желание других посетить нашу страну.

Поэтому важно принимать во внимание существующие стереотипы, но не полностью полагаться на них. Следует помнить, что это лишь обобщенные образы представителей других культур.

Таким образом, работникам туристической сферы необходимо овладевать знаниями в области межкультурной коммуникации и вырабатывать межкультурную компетентность для приобретения конкурентного преимущества и оптимизации работы всей отрасли.

Список литературы

1. *Льзин, А.* Межкультурная коммуникация в туризме и ее особенности / А. Льзин // Туризм. Практика, проблемы, перспективы. – 2005. – № 5. – С. 26–27.
2. *Кузнецов, И. Н.* Современный язык жестов / И. Н. Кузнецов. – М.; Минск, 2006. – 446 с.
3. *Садохин, А. П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. П. Садохин. – М., 2005. – 310 с.
4. *Fazile, Z.* Gestures – Not Just The Language [Electronic resource] / Z. Fazile. – Mode of access: http://www.sunexpressnews.com/makale_goster.asp?yazid=21&id=48.
5. Азбука непристойных жестов, которые шокируют иностранцев [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru>.
6. Turkish Body Language [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://forum.kusadasi.biz/thread748.htm>.

КОНСТРУКТ «БЕЛОРУССКОСТЬ» В БЕЛОРУССКИХ ГЛЯНЦЕВЫХ ИЗДАНИЯХ (журнал «Доберман»)

Н. П. Могиленских, И. В. Горошко

Что значит «быть белорусом»? Какие такие истинно белорусские характеристики отличают жителя Беларуси от жителя любой другой станы? Чем можно наполнить понятие «белорусскость»? Однозначных и объективных ответов на эти вопросы нет и быть не может. Все, что можно сказать на этот счет, будет напрямую зависеть о того, кто это говорит, кому, в каком контексте и с какой целью.

Данная работа – попытка применения одного из способов конструирования для получения ответов на эти вопросы, наполне-

ния понятия «белорусскость» некими смыслами, а также о том, какие цели такое конструирование может выполнять.

Объектом нашего исследования послужил номер выпускаемого и распространяемого в Беларуси журнала «Доберман», предметом исследования, соответственно, стало понятие «белорусскость», т. е. совокупность черт, якобы присущих жителю страны Беларусь. Нами была использована методология дискурс-анализа, которая относится к социальному конструктивизму. Основными теоретическим источниками, на которые мы опирались в процессе работы с дискурсом, являются статьи теоретиков и практиков дискурс-анализа Розалинды Джин, Джонатана Поттера, Иана Паркера и М. Л. Макарова. Одно из важнейших положений, от которого мы отталкиваемся в ходе исследования, это то, что «белорус» сконструирован в дискурсе, т.е. делать какие-либо общие выводы о белорусской ментальности, опираясь на наш анализ, мы не можем, ибо этот «белорус» существует только в исследуемом дискурсе.

Производство дискурса – это всегда языковая практика, будь это совокупность письменных текстов или визуальных изображений (язык в данном случае понимается как семиотическая единица, ведь изображение тоже является текстом, оно тоже «читается»). Язык, как утверждает Стюарт Холл, это система репрезентаций, и именно поэтому становится возможным создавать значения посредством языка. Язык не «отражает» нечто, он репрезентирует, а репрезентирование – это уже конструирование.

С точки зрения языковой коммуникации, разные аспекты опыта и поведения индивида зависят от принадлежности человека к какой-либо социальной группе, которая, в свою очередь, выступает «средоточием коммуникативных отношений». Язык (как речевая деятельность) – это определенная форма поведения, а не отражение некой «застывшей реальности». Для конструктивизма действительность создается социально, однако положение о языке как о речевой деятельности проясняет, что интерпретируется то она индивидуально, т. е. «действительность» (здесь уместно говорить о картине мире лишь определенного индивида) создается на стыке между социальными конструктами и индивидуальными интерпретациями, которые обусловлены контекстом.

Джонатан Поттер (Jonathan Potter) в статье 'Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background' сразу отбрасывает возможность дать конструктивизму четкое определение

как противоречащую конструктивистским положениям попытку. Конструктивизм, утверждает Поттер, тоже сконструирован, поэтому самым корректным шагом в попытке объяснить его суть является анализ того, как он сконструирован, как он по-разному описан в разных книгах о методах исследования, например, психологами и социологами, как эти разные ракурсы были определены как конструктивистские, и к чему склонялись эти определения.

Поттер описывает пять базовых положений для социального конструктивизма:

1. Понятия (terms), которыми мы апеллируем, обращаясь к миру и к самим себе, не обусловлены данными объектами (мир и мы).

2. Понятия и формы, которыми мы достигаем понимания мира и себя – это социальные атрефакты, продукты исторически и культурно обусловленных взаимодействий между людьми.

3. Степень, до которой данное понятие мира и самих себя сохраняется во времени, не зависит от объективной валидности этого понятия, а зависит от изменчивости социальных процессов.

4. Язык получает свое значение в человеческом взаимодействии, начиная от способа его функционирования в пределах паттернов взаимосвязи.

5. Оценить существующие формы дискурса значит оценить паттерны культурной жизни, и такие оценки делают возможным обращение к другим культурным анклавам.

Конструктивистскими называются такие, на первый взгляд, разные направления исследований, как анализ устной речи (conversation analysis), анализ дискурса, этнометодология (ethnomethodology), феминистские исследования, постструктурализм, постмодернистская политическая наука (post-modern political science), социокультурная психология и другие. Одной из черт, объединяющих все вышеперечисленное, является то, что они появились на стыках различных дисциплин, например, там, где психология переходит в социологию.

По Розалинде Джил, существуют две стадии анализа дискурса: кодирование (выборка всех случаев, где хотя бы отдаленно может упоминаться то, что нас интересует) и непосредственно анализ. Мы будем руководствоваться именно этим подходом, потому что он соответствует материалу, с которым мы будем работать – журналу.

Объектом нашего исследования является один из номеров журнала «Доберман». Мы выбрали именно это издание для анализа способов конструирования «белорусскости» неслучайно. Журнал, на первый взгляд аполитичный (какая политика в глянце?), манипулирует интересующим нас конструктом весьма любопытным образом. Во время чтения указанного издания нас всякий раз удивляло, как там пишется о стране Беларусь и о людях белорусах, всегда возникал вопрос: а зачем создается именно такой образ, или конструкт Беларуси? В итоге мы решили проанализировать с помощью конкретной методологии текст и выявить цели, которые выполняет конструкт «белорусскость» в дискурсе, создаваемым журналом.

Самопозиционированию журнала на сайте: «Доберман» – единственный в стране ежемесячный мужской журнал. В остальных источниках, упоминающих журнал, на первый взгляд, написано на первый взгляд то же самое: «белорусский мужской журнал». Прилагательное «белорусский» вовсе не значит только «в Беларуси», прилагательное «белорусский» несет в себе целый багаж коннотаций, у каждого своих. Редакция, судя по информации в журнале, находится в столице Республики Беларусь, однако сказать, что в журнале работают исключительно белорусы, пишущие исключительно о белорусах и о событиях на территории Беларуси, нельзя.

Все материалы, печатаемые в издании – на русском языке. Рассказ белорусского и пишущего по-белорусски писателя Альгерда Бахаревича был специально для журнала переведен автором на русский язык. Русский язык – это медиум, средство сообщения. Мы помним, что еще Маклюэн выдвинул тезис о том, что средство сообщения – это и есть сообщение. Какое же возможное сообщение может нести в себе русский язык на страницах выпускаемого в Беларуси журнала? Попробуем разобраться.

Во-первых, язык, как мы определили – это основной медиум, транслирующий идеологию. Воспроизводство идеологии тесно связано с властными отношениями, из чего делаем вывод, что выбор того или иного языка для трансляции некой информации обусловлен в первую очередь властью, и наоборот: «властные отношения при повседневных социальных взаимодействиях манифестируются лингвистически, и носители языка осведомлены об этом, даже если им этого «не говорили». Елена Гапова пишет о том, что в Беларуси классовое противостояние, характерное любой стране, приняло форму языкового противостояния.

Во время переписи населения в Российской империи в 1897 г. оказалось, что от 70 до 95 % белорусскоговорящих людей живут в сельской местности. До сих пор для определенного слоя населения фрикативное «г» – признак деревенского происхождения говорящего, даже если он просто-напросто в совершенстве владеет *родным* языком. Выбор русского языка для печати может показаться намного более нейтральным, чем выбор языка белорусского. Для нас важно понять, какое сообщение может нести в себе такой медиум, как русский язык, в «белорусском» журнале. Этот вопрос для нас существенен потому, что выбор языка трансляции напрямую связан с предметом нашего исследования – конструктом «белорусскость».

Очевидно, это сообщение в первую очередь связано с представителем целевой аудитории, с тем, кто журнал якобы *читает*, то есть адресатом, тем, кто занимается раскодированием того или иного сообщения. Сами редакторы о целевой аудитории говорят так: *«Этот мужик должен заниматься своим делом, не быть неудовлетворенным собой и жизнью, он должен чувствовать, что пришелся к месту. Я могу сказать, что делаю журнал для 35-летних мужчин, разъезжающих на Porsche (...)»*.

Исходя из всего этого, на наш взгляд, можно сделать такой вывод: выбор русского языка в анализируемом журнале «Доберман» должен говорить о его якобы аполитичности, приверженности негласно установившимся традициям и дистанцированности от каких-либо национальных маргинальных проявлений. Здесь необходимо добавить и то, что выбор русского языка для печати просто-напросто увеличивает количество потенциальных читателей.

Что касается еще одной составляющей определения журнала, «мужской», то для нас это не так актуально, поэтому можно ограничиться кратким анализом визуальной рекламы и общей направленности статей. В журнале много рекламы, и вся она адресована мужчине. Мужской образ выступает и моделью для подражания, и обладателем капитала. Однако что касается статей, то сказать, что они могут быть интересны исключительно представителям мужского пола, нельзя. «Доберман» – это не попытка создать еще один Men's Health или Playboy, на страницах «Добермана» нет обнаженных девушек и советов по соблазнению незнакомок в ночных клубах, «Доберман» либо ориентирован на мужчину, которому это вовсе не нужно, либо не только на муж-

чину. «Доберман» претендует на интеллектуальность, читатель «Добермана» как бы должен разбираться в современной музыке не хуже, чем в литературе и экономике. То, что журнал с такой направленностью определяет себя как «мужской», говорит о его обусловленности выработанной веками идеологией, в рамках которой женщина просто не может интеллектуально быть равной мужчине. А это отлично вписывается в дискурс о гендерных образах, репрезентируемых властью. Женщины в рамках этих репрезентаций ограничены сферой домашней работы и интересов, результаты их труда касаются лишь пространства дома и, следовательно, становятся незначительными. «Доберман» о политике не пишет, однако наша гипотеза заключается в том, что он так же, как и официальные масс-медиа, женщине в способности мыслить и анализировать отказывает, отсюда и его якобы сутубо «мужская» направленность.

Для анализа нами был выбран номер журнала «Доберман» за декабрь 2008 года, который привлек наше внимание тем, что в нем все материалы так или иначе касались одной темы – темы денег. Во время мирового экономического кризиса журнал выпускает этот номер, номер о деньгах, номер об их нехватке и страхе о том, что скоро они совсем исчезнут. В таком контексте мы и рассматриваем конструкт «белорусскость», в таком контексте мы и пытаемся выделить его цели.

Маркерами для нашего исследования стали такие ключевые слова, как «Беларусь», «белорус», «родина», а также однокоренные и в контексте синонимичные этим слова. На наш взгляд, такое решение поможет значительно сузить выборку текстов, ведь выбор именно этих ключевых слов соответствует и нашим ключевым вопросам при исследовании: что значит «быть белорусом», какими особенными и уникальными характеристиками можно наделить жителя страны Беларусь. При ответе на эти вопросы мы ищем некие специфические черты, присущие сконструированному белорусу, а совокупность всех этих черт и является искомой «белорусскостью».

Как уже было сказано, при анализе мы опираемся на предложенный Розалиндой Джил алгоритм. Первый этап, кодирование, заключается в тщательном прочтении всех предложенных журналом текстов и поиске упоминания в них наших ключевых слов. Сначала нами были выбраны все случаи употребления этих слов. Далее, опираясь на поставленные к дискурсу вопросы, мы сужали

круг исследуемых текстов, то есть отобранные в начале тексты, никак, на наш взгляд, не затрагивающие интересующие нас вопросы, были из анализа исключены. Оставшиеся тексты и стали эмпирическим материалом второй стадии исследования – анализа дискурса. Этими текстами являются «Что в Минске», «Белорусское золото», «Don't worry. Belarus happy», «Золотой запас», «Бримосниада. Отчет о посещении Дуги Бримсоном города-героя Минска» и «Их родина».

Сам анализ был ориентирован на выявление способов конструирования «белорусскости», то есть мы всегда учитывали, что «суть» сказанного для нас неважна – мы работаем лишь с тем, что прозвучало фактически, а также с использованными для конструирования языковыми средствами. При анализе мы также помнили и понимали, что контекст, в котором мы рассматриваем дискурс – это тоже некая сконструированная нами версия мира: «наш собственный дискурс, дискурс дискурсивных аналитиков, сконструирован, обусловлен обстоятельствами и ориентирован на действие не в меньшей степени, чем дискурс, который мы изучаем». Это является одной из причин ярко выраженной субъективности любого дискурс-анализа.

В результате анализа у нас получилось выделить такие характеристики, навязываемые сконструированному «белорусу»:

- нецивилизованность
- деревенская ментальность
- (пост)советская ментальность
- наивность, т. е. готовность верить тому, что скажут
- запасливость
- недоверие к бумажным деньгам и золоту
- находчивость, умение выжить в любой ситуации
- хозяйственность
- послушность указаниям властей

На наш взгляд, два определяющих дискурса, порождающих и остальные, является (пост)советское настоящее (и, следовательно, советское прошлое) и деревенская ментальность «белоруса». В рассмотренных статьях нам часто встречались общие заключения, основанные на якобы деревенской ментальности «белорусов» (например, ценности деревни «грибы в лесах, караси в прудах, клюква на болотах» распространяются уже на все страну, факт наличия в ней городов опускается). Эта деревенская ментальность является одним из факторов, опираясь на которые

дискурс создает оппозицию «цивилизованный мир – Беларусь». Вторым выделенным нами фактором стала послушность «белоруса» властям. Именно так можно объяснить подчеркнутый в статье «Что в Минске» контраст между «порядочными и образованными людьми» и «белорусами». «Порядочные и образованные люди» в ноябре 2008 года ходили на солидные, достойные внимания мероприятия, вроде выставки картин Рериха или презентации нового андеграундного журнала «Паміж», в то время как дети «белорусов» участвовали в кубке McDonalds, а сами «белорусы» играли в «тяжкий квест» – познавали Родину, участвуя в конкурсе «Познай Беларусь». Эти мероприятия отмечены как те, на которые «никто никогда не ходит», однако именно их, по мнению «Добермана» можно найти на растяжках города. Тут стоит понимать, что образ этих растяжек – это тоже конструкт, ведь могли быть выбраны именно растяжки с самыми, на взгляд «Добермана», скучными и абсурдными мероприятиями. Таким образом, «белорус» противопоставляется представителю целевой аудитории и наделяется такими качествами, как нецивилизованность, необразованность и послушность. Дискурс создается с целью показать смешным и нелепым то, о чем можно прочесть на растяжках. «Белорус» в этом случае является комической фигурой, послушно посещающей все эти нелепые мероприятия.

Оппозиция «Беларусь – цивилизация» более ярко обрисована в другой статье, «Don't worry. Belarus happy». «Белорус» здесь опять живет в деревне, или, по крайней мере, мыслит себя и свою жизнь в деревенских категориях: «На биржи ему плевать – ему грядки поливать», «Кому интересен кризис, когда капусту квасить пора?» Страна, в которой живет «белорус», не является частью остального цивилизованного мира: «Но наш народ прав: в цивилизации что лучше?» и «Цивилизованных, конечно, жалко, не привыкли. А нам-то что, ведь не впервой». Помимо оппозиции «Беларусь – цивилизация» в дискурсе проговаривается любопытное отождествление «самодельного трактора, собранного из бесплатных деталей» и «сильной и процветающей Беларуси». Лозунг «За сильную и процветающую Беларусь» можно встретить на билбордах столицы, как правило, он сопровождается какой-либо идиллическую картинку, якобы вырванную из белорусской повседневности. В дискурсе стереотип ломается, и символом «сильной и процветающей Беларуси» становится не, например, пенсионерка, мило общающаяся с милиционером,

а самодельный трактор, собранный еще во времена Советского Союза, из бесплатных деталей. Здесь наблюдается то, что описывает Розалинда Джил: «версия мира, предложенная дискурсом, отрицает все остальные версии или, по крайней мере, являет себя предпочтительной».

Фраза «не говорите о проблеме кредитных денег, сверхлюдям-белорусам они не нужны» заинтересовала нас своим предположительным адресатом. На наш взгляд, здесь прослеживается обращение к власти, которая неохотно говорит о кризисе. Дискурс, таким образом, якобы полностью с властью соглашается и утверждает, что «сверхлюдям-белорусам» они (деньги и информация о них) действительно не нужны. Используя сарказм и иронию, дискурс снова создает нелепый и абсурдный конструкт «белорус». «Белорус» живет на полностью изолированном от остального (цивилизованного) мира острове, и волнует его только то, что касается происходящего непосредственно на его территории.

В статье «Белорусское золото» говорится о речи ветеранов-ювелиров, приехавших на экскурсию в Национальную библиотеку. Ювелиры восхищаются библиотекой и говорят о том, что кристалл здания оправлен золотом, которым являются люди Беларуси. Автор добавляет, что кристалл в таком случае не только оправлен, но и «нафарширован» золотом. Использование такого сравнения сразу дает понять, что дискурс использует образ Национальной Библиотеки не для того, чтобы очередной раз восхищаться красотой и оригинальностью здания, но для совершенно других целей. Речь ювелиров, благодаря этому замечанию, становится абсурдной и нелепой, однако она вполне вписывается в дискурс, создаваемый официальными СМИ. Исследуемый же дискурс («Добермана»), на наш взгляд, направлен на разоблачение этого абсурда. Что касается конструкта «белорус», то здесь он, опять же, живет в деревне и, как мы уже подчеркивали, других ценностей, кроме деревенских, у него нет. Деньгам он не доверяет, человек с золотом для него «однозначно, цыган», а главным расчетным средством для него является «сэм», которому никакие кризисы не страшны. Конструкт в данном случае выполняет такую цель: он становится фигурой, противопоставляемой гипотетическому «читателю», представителю целевой аудитории. Здесь оппозиция «цивилизация – Беларусь» снова трансформируется в оппозицию «цивилизованный человек – белорус».

«Минчанин», который, возможно, и мог бы стать кем-то, отличным от «белоруса», далеко от него не ушел. О его недалекости и необразованности можно сделать вывод лишь по тому, что только к приезду британской сборной по футболу он «с трепетом вспоминает напрочь забытые магические формулы и повторяет их по ночам: «Ландан из э кэпитал оф грейт бритаин», «Май фэмили из биг (...)». В отличие от авторов журнального текста, свободно общавшихся с британским писателем на его родном языке, деревенщина-минчанин пытался вспомнить примитивные школьные фразы на английском языке лишь в связи с матчем.

Что касается непосредственно отношений «белоруса» к тому, чему номер журнала посвящен, т.е. к деньгам, то деньги для «белоруса» не играют значительной роли. «Белорус» скорее захочет научиться писать хайку, чем заработать. Следует отметить, что во всех перечисленных статьях «белорус» - это «он», употребление личного местоимения «я» в таком контексте встретилось нам лишь один раз.

Необходимо подчеркнуть и то, что когда речь идет о студентах из других стран, то слова «Беларусь» и «белорус» употребляются уже лишь с целью означивания страны или жителей этой страны. Здесь «белорус» – это характеристика читателя, «белорус» из «он» превращается в «я». Студенты показывают фотографии со своей родины для того, чтобы «белорусы» ознакомились с традициями других стран. То есть для иностранца читатель – он все-таки «белорус», однако лишь территориально, в силу места своего проживания.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Для создания конструкта «белорусскость» дискурс использует такие средства, как ирония и сарказм. Фигура «белоруса» смотрит на мир и на себя в деревенских и (пост)советских категориях, она нелепа и неприспособленна к жизни в современном цивилизованном мире. «Белорус» живет на обособленной территории, и его не касается то, что происходит вокруг.

Список литературы

1. Hall, S. Representation, Meaning and Language / S. Hall // Representation. Cultural Representation and Signifying Practices. – SAGE Publication, 1997. – P. 15.
2. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М., 2003. – С. 56.
3. Potter, J. Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background / J. Potter // Handbook of Qualitative Research Methods for Psychology and the Social Sciences / J. T. E. Richardson (Ed.). – L., 1996. – P. 125–140.

4. Бахаревич, А. Угроза / А. Бахаревич // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 108–113.
5. Маклюэн, Б. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Б. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева. – М., 2007. – С. 9.
6. Дубавец, А. «Доберман» поместил на обложку мертвеца [Электронный ресурс] / А. Дубавец. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/culture/2008/09/24/ic_articles_117_159139/.
7. Gill, R. Discourse analysis: practical implementation / R. Gill // Handbook of Qualitative Research Methods for Psychology and the Social Sciences / J. T. E. Richardson (Ed.). – L., 1996. – P. 125–142.
8. Мартинович, В. Белорусское золото / В. Мартинович // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 28–30.
9. Новицкий, Д. Don't worry. Belarus happy / Д. Новицкий // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 34.
10. Андреев, А. Золотой запас / А. Андреев [и др.] // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 58–62.
11. Колевитский, Д. Бромсониада. Отчет о посещении Дуги Бримсоном города-героя Минска / Д. Колевитский, В. Радьков // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 76–79.
12. Скороход, Е. Их родина / Е. Скороход // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 96–97.

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ИНЬЯН-КОНЦЕПЦИИ

Т. Н. Нестерович

Предлагаемые размышления представляют собой попытку взглянуть на традиционно разрабатываемые в отечественной и зарубежной лингвистике проблемы системно-функциональных и когнитивно-прагматических отношений в языке и речи с новых позиций, отталкиваясь от символов другой, далекой и древнейшей культуры Востока, попытку проникнуть в глубинное значение ее фундаментальных понятий и символов, важнейшими из которых представляются *инь* – *ян*.

Эти символы предстают как воплощение самой глубокой китайской философии и самого типичного мышления, они позволяют не обращаться, в частности, к таким понятиям, как число, время, пространство, причина, ритм. Для их передачи достаточно воспользоваться данными конкретными символами *инь* и *ян*, которые вместе с *тао* вмещают в себя весь Мировой порядок и Образ мышления (Великий Предел из Книги Перемен) [2, с. 1033]. В понятийной картине мира китайцев нет строгого разделения на представление времени, с одной стороны, и представление пространства, с другой; оба понятия не способны существовать